

Советская антирелигиозная политика конца 1920-х – начала 1930-х гг. глазами русских эмигрантов второй волны (по материалам Гарвардского проекта)

Д. С. Хомков

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В статье освещается восприятие русскими эмигрантами второй волны советской антирелигиозной политики рубежа 1920–1930-х гг. Основным источником служат материалы Гарвардского проекта, представлявшего собой комплексное интервьюирование бывших советских граждан американскими исследователями в начале 1950-х гг. Цель статьи – выявить и рассмотреть свидетельства участников Гарвардского проекта, касающиеся антирелигиозной политике времен коллективизации, а также определить ее влияние на эмигрантов.

Содержание. Дается краткая характеристика вклада эмигрантов второй волны в историографию антирелигиозной политики конца 1920-х – начала 1930-х гг. Этот вклад представляется значимым в силу ценных свидетельств очевидцев, диагностической аналитики в некоторых случаях, а также потому, что эмигранты были первыми, кто стал осмысливать данную тему. Рассматриваются основные формы советской антирелигиозной политики, упоминаемые эмигрантами: закрытие и разрушение церквей, антирелигиозная агитация, снятие колоколов. Отдельное внимание уделяется рассказам эмигрантов о реакции населения на антирелигиозные действия властей, включая различные формы активного и пассивного протеста, а также апокалиптические настроения. Кроме того, в некоторых случаях материалы Гарвардского проекта позволяют охарактеризовать влияние антирелигиозной политики на эмигрантов. В частности, оно могло выражаться в длительном прерывании религиозного опыта, что было для участников интервью тяжелым испытанием; в симпатиях к церкви, подвергавшейся гонениям; и в переоценке самого советского режима.

Выводы. Религиоведческие подходы к работе с материалами Гарвардского проекта можно считать перспективными как для изучения специфики русской эмиграции второй волны, так и для исследований в области истории религий в СССР. В рассказах эмигрантов можно найти обширные и ценные свидетельства об антирелигиозной политике времен коллективизации, которые дополняют уже существующие работы по советской религиозной ситуации в этот период.

Ключевые слова: русская эмиграция, Гарвардский проект по изучению советской социальной системы, антирелигиозная политика, коллективизация, русское православие.

Для цитирования: Хомков Д. С. Советская антирелигиозная политика конца 1920-х – начала 1930-х гг. глазами русских эмигрантов второй волны (по материалам Гарвардского проекта) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 3. – С. 232–246. DOI: 10.35231/18186653_2025_3_232. EDN: CZBBXB

Soviet Antireligious Policy in the Late 1920s – Early 1930s Through the Eyes of Second "Wave" Russian Emigrants (on the Harvard Project Materials)

Dmitry S. Khomkov

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

Introduction. The article highlights the perception of Soviet antireligious policy at the turn of the 1920s and 1930s by Russian emigrants of the second wave. The main source is the materials of the Harvard Project, which consisted of complex interviews of former Soviet citizens by American researchers in the early 1950s. The purpose of the article is to identify and examine the testimonies of Harvard Project participants on the antireligious policies of the collectivization time and to determine its impact on emigrants.

Content. The article provides a brief description of the contribution of second wave emigrants to the historiography of antireligious policy of the late 1920s – early 1930s. This contribution appears significant because of the valuable eyewitness accounts, good analysis in some cases, and the fact that emigrants were the first to begin to think about this topic. The following examines the main forms of Soviet antireligious policy mentioned by emigrants: closing and destruction of churches, antireligious agitation and removal of bells. Particular attention is paid to the stories of emigrants about the population's reaction to the antireligious actions of the authorities, including various forms of active and passive protest, as well as apocalyptic expectations. In addition, in some cases, the Harvard Project materials allow us to characterize the influence of antireligious policy on emigrants. In particular, it could be expressed in a long interruption of religious experience, which was a difficult test for the interview participants, in sympathy for the church, which was subjected to persecution, and in a reassessment of the Soviet regime itself.

Conclusions. Religious studies approaches to working with the materials of the Harvard Project can be considered promising both for studying the specifics of the second wave of Russian emigration and for research in the field of the history of religions in the USSR. The stories of emigrants provide extensive and valuable evidence about the antireligious policy of the collectivization era, which complements existing work on the Soviet religious situation during this period.

Key words: Russian emigration, Harvard Project on the Soviet Social System, antireligious policy, collectivization, Russian Orthodoxy.

For citation: Khomkov, D. S. (2025) Sovetskaya antireligioznaya politika konca 1920-h – nachala 1930-h gg. glazami russkikh emigrantov vtoroj volny (po materialam Garvardskogo proekta) [Soviet Antireligious Policy in the Late 1920s – Early 1930s Through the Eyes of Second "Wave" Russian Emigrants (on Materials of the Harvard Project)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 232–246. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_3_232. EDN: CZBBXB

Введение

Русская эмиграция второй волны сформировалась во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. из советских граждан, оказавшихся за пределами СССР. В их число входили оstarбайтеры, военнопленные и прочие лица, переместившиеся из оккупированных советских территорий в Европу и отказавшиеся возвращаться обратно в Советский Союз после окончания Второй мировой войны.

Термин «русская эмиграция второй волны» имеет определенные недостатки. В частности, вторую волну эмиграции из СССР нельзя назвать исключительно «русской», так как, по данным советских органов репатриации, на начало 1952 г. она включала в себя жителей прибалтийских государств (около 50 %), украинцев (32 %), белорусов (2 %), а также представителей других этнических групп (7 %) [9, с. 142–143]. Несмотря на это, данный термин представляется оптимальным для обозначения рассматриваемой группы лиц. С одной стороны, его можно назвать конвенциональным для сложившейся историографии эмиграции из России и СССР в XX в. С другой стороны, ближайшее по смыслу понятие «дипийцы» или «ди-пи» (*displaced person* – «перемещенные лица») имеет более узкое содержание: далеко не все эмигранты второй волны имели статус перемещенных лиц. Некоторые из них сознательно стали «невозвращенцами», бежав на Запад из советской оккупационной зоны. К этой категории относятся 27 % участников Гарвардского проекта, о котором пойдет речь ниже¹. Кроме того, сами исследователи ди-пи признают неправильность синонимичного использования понятий «дипийцы» и «русская эмиграция второй волны» [8, с. 5]. Также в ходе данного исследования мы будем обращаться к свидетельствам эмигрантов, которые сами идентифицировали себя как русские в интервью Гарвардского проекта.

Наиболее масштабным источником по истории русской эмиграции второй волны является Гарвардский проект по советской социальной системе. Он представлял собой комплексное интервьюирование бывших советских граждан, проводившееся Русским исследовательским центром Гарвардского университета в 1950–1951 гг. Подробная история проекта

¹ Brandenberger D. A. Guide to Working with the Harvard Project on the Soviet Social System Online (2020) Available at: <https://library.harvard.edu/sites/default/files/static/collections/hpss/HPSSGuide2020.pdf> (accessed 08 June 2025). Pp. 13–14.

от первоначального интереса американцев к изучению опыта советских беженцев, до анализа полученных результатов и значения для западной науки, представлена в монографии Е. В. Кодина «Гарвардский проект» [11].

Сегодня изучение этой темы постепенно расширяется, хотя она по-прежнему остается малоисследованным периодом в истории русского зарубежья по сравнению с послереволюционной «первой волной». Между тем материалы второй эмиграции, особенно Гарвардский проект, позволяют не только изучать ее собственную историю, но и исследовать ранние периоды: довоенную историю СССР и период Второй мировой войны. Именно события военной эпохи освещаются в наиболее объемном на сегодняшний день сборнике переводов фрагментов интервью Гарвардского проекта [6].

Перспективными являются религиозоведческие подходы к анализу материалов Гарвардского проекта. Так, данные интервью позволяют изучать восприятие эмигрантами государственно-церковного взаимодействия, влияние идеологии и исторического контекста на их отношение к религии, частично можно проследить и динамику религиозных взглядов советских беженцев [19, с. 98].

Сейчас систематизированные материалы Гарвардского проекта доступны на платформе The Harvard Project on the Soviet Social System Online¹, где представлены тексты 707 интервью (343 «социологических» интервью серии «А» и 363 «антропологических» интервью серии «В»). Большинству участников исследования предлагалось пройти оба типа интервью, общее число респондентов равняется 331 чел., из них 313 эмигрантов указали свою принадлежность к славянским народам СССР, главным образом русским (200), украинцам (77) и белорусам (22)². Эта выборка, обусловленная различными контекстными факторами организации Гарвардского проекта, фактически позволяет говорить, что под «церковью» большинство респондентов подразумевали русское православие. Иными словами, материалы проекта

¹ The Harvard Project on the Soviet Social System Online. Available at: <https://library.harvard.edu/sites/default/files/static/collections/hpsss/index.html> (accessed 08 June 2025).

² Brandenberger D. A. Guide to Working with the Harvard Project on the Soviet Social System Online (2020) Available at: <https://library.harvard.edu/sites/default/files/static/collections/hpsss/HPSSGuide2020.pdf> (accessed 08 June 2025). Pp. 11–14.

в первую очередь репрезентативны для изучения отношения эмигрантов второй волны к православию.

Конечно, следует учитывать упоминания других религий и христианских конфессий в интервью Гарвардского проекта. Как правило, они специально обозначались рассказчиками, пояснявшими, о каком религиозном течении идет речь. Подобные свидетельства эмигрантов о католичестве и католической церкви были проанализированы в отдельной статье [21].

Представители второй волны русской эмиграции, за исключением жителей территорий, присоединенных к СССР в 1939–1940-х гг., имели длительный опыт жизни при советской власти, что отличало их от эмигрантов первой волны. Рефлексия этого опыта занимала значимое положение в идейном дискурсе «второй волны», будь то политическая активность [10, с. 269–270] или литературная деятельность¹. Это справедливо и в отношении формирования религиозных установок эмигрантов. Подобное переплетение политических, социальных, психологических и духовных факторов отражено в позднем эмигрантском сборнике, касающемся деятельности «второй волны». В частности, в нем говорится, что главной целью русской эмиграции второй волны была идейная, религиозная (!) и политическая борьба с советской диктатурой [4, с. 66].

Эмигранты второй волны были очевидцами различных действий советского руководства, направленных на борьбу с религией. В рамках данной статьи рассматриваются их свидетельства об антирелигиозной политике в 1929 – начале 1930-х гг., анализируется влияние этих событий на идейные и духовные установки представителей эмиграции второй волны.

Вклад эмигрантов второй волны в историографию вопроса

Сегодня существует обширная научная литература по проблеме положения религиозных организаций в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Основной тенденцией в исследовании данного вопроса является рассмотрение региональной ситуации на основе данных федеральных, муниципальных и ведомственных архивов. Пример подобного исследования,

¹ Баронова М. О. Дialeктика обстоятельств и ценностей в культуре российской эмиграции «второй волны»: дис. ... канд. культурологии. М., 2023. 220 с. EDN: VMKAQV. С. 18–19.

а также актуальный обзор историографии вопроса можно найти в недавней диссертации В. В. Никонова¹. Однако первые попытки осмыслить советскую антирелигиозную политику времен начала индустриализации и коллективизации были предприняты именно русскими эмигрантами.

Особое значение имеют работы представителей второй волны эмиграции, так как их авторы были непосредственными свидетелями антирелигиозной политики. Зачастую их труды имеют ценность в качестве исторического источника, хотя и не лишены эмоциональной окраски. Такова, например, «Деревня на Голгофе» Т. К. Чугунова, подробно рассматривавшего положение в советской деревне в довоенный период [22].

В других случаях работы эмигрантских исследователей демонстрируют достаточно хорошую и даже актуальную аналитику, несмотря на ограниченное количество источников, которыми они могли пользоваться. Так, известный деятель «второй волны», церковный историк протоиерей Димитрий Константинов в своей работе «Гонимая церковь» сделал весьма объективный вывод о том, что советское руководство не закрывало все церкви в деревне, опасаясь протестных настроений крестьян [13, с. 15–16]. Также стоит отметить книгу «Плененная церковь» представителя молодого поколения первой эмиграции Г. А. Рара, активно общавшегося с беженцами из СССР, в которой приводится содержательный анализ положения приходов и священников в Советском Союзе [15, с. 36–38].

Основные проявления советской антирелигиозной политики рубежа 1920–1930-х гг. в свидетельствах участников Гарвардского проекта

В рамках интервью Гарвардского проекта эмигранты чаще всего упоминали антирелигиозную политику конца 1920-х – начала 1930-х гг. в контексте коллективизации. В их восприятии эти два процесса были неразрывно связаны, что эксплицитно выражено в рассказе респондента-мусульманина, работавшего до войны трактористом, который утверждал, что «коллективизация и ликвидация религии шли одновременно»².

¹ Никонов В. В. Политика советского государства в отношении православных церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг.: дис. ... д-ра ист. наук, М., 2024. 785 с.

² HPSSS. Schedule A. Vol. 13. Case 159. P. 100.

Всего в интервью серии «А» слово «коллективизация» упоминается 738 раз, в интервью серии «В» – 164 раза. Очевидно, что в биографических рассказах в ходе интервьюирования первого типа практически каждый участник Гарвардского проекта затронул данную тему. В опросниках интервью серии «А» находим вопросы, касающиеся коллективизации. В разделе «Семья» эмигрантов просили рассказать, как коллективизация сельского хозяйства отразилась на жизни их семей, а в разделе «Идеология» им могли предложить дать непосредственную оценку политике коллективизации¹.

Типичная панорама антирелигиозных мероприятий в деревне в 1929 г. представлена в интервью 309. Респондент – 40-летний мужчина, который переехал в 1929 г. из деревни в город и получил профессию шофера. Он описывал антирелигиозную агитацию, закрытие церквей, изъятие колоколов, использование церковных зданий в качестве склада силоса или клуба. Также он упоминал менее формальные моменты, такие как давление со стороны членов местного комсомола на верующих, вплоть до драк с ними². Эти свидетельства совпадают с основными формами антирелигиозной политики Советского государства, выделяемыми современными историками [7, с. 30].

Антирелигиозная агитация в деревне на рубеже 1920–1930-х гг. зачастую отличалась слабостью и бессистемностью. Она активизировалась в преддверии крупных религиозных праздников, чаще всего Рождества и Пасхи, и затухала после них. В одном примере из Медынского района Западной области, приведенном В. С. Батченко, указывается, что организация антипасхальной кампании началась за пять дней до самого праздника [1, с. 37]. Этому свидетельству соответствует рассказ одного из респондентов – школьного учителя (с 1930 г.) 1909/1910 года рождения. Он утверждал, что антирелигиозная пропаганда не была эффективной, а крестьяне сохраняли религиозность³.

Закрытие и разрушение церквей – наиболее часто встречающееся у эмигрантов свидетельство об антирелигиозной активности в указанный период. Впечатляющее описание сноса храма и настроений людей в этот момент содержит-

¹ HPSSS Qualitative File Manual of A-Schedule Materials. Second-Run Edition. Available at: [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5646842\\$1i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5646842$1i) (accessed 08 June 2025). P. 29, 48.

² HPSSS. Schedule A. Vol. 16. Case 309. Pp. 15–16.

³ HPSSS. Schedule A. Vol. 35. Case 118/(NY)1517. P. 30.

ся в интервью 45-летней машинистки, проживавшей в Симферополе. Она рассказывала о разрушении кафедрального Александро-Невского собора в 1930 г.: «Сначала снизу поднялся столб дыма, затем в воздух поднялось облако пыли, а после медленно-медленно купол осел и мягко рухнул. Он не упал. Нет. Казалось, что он медленно тонет... Многие плакали и рыдали, люди молились и крестились»¹.

Как известно, единственным законным способом сохранить храм от закрытия в 1929–1930-е гг. была регистрация религиозной общины с членством от 20-ти человек, которая могла взять храм в бесплатное пользование [2, с. 61]. Именно эти так называемые «двадцатки» боролись с незаконным закрытием храмов и произволом местных властей в религиозной сфере. Один из респондентов Гарвардского проекта, кузнец по профессии, был председателем такой «двадцатки» с 1930 по 1941 гг. и смог уберечь местную церковь от закрытия².

Другой часто упоминаемой категорией антирелигиозных действий было снятие с церквей колоколов. Постановление СНК РСФСР от 14 ноября 1930 г. фактически означало начало антиколокольной кампании. Очевидно, что изъятие колоколов выполняло как сугубо экономические цели в виде получения цветного металла, так и было инструментом подавления религиозности в деревне [12, с. 266].

Краткие упоминания снятия колоколов можно найти в интервью 111³, 275⁴, 407⁵ и др. Свидетельства эмигрантов подтверждают, что колокола имели большое значение в жизни советских крестьян, а их снятие воспринималось как большая трагедия. Так, тракторист 1900/1901 г. р. говорил, что, если нет колоколов, «не будет никакой правды»⁶. Другой респондент, инженер 1901/1902 г. р., проживавший в Сталинграде, описывал тяжелое эмоциональное состояние населения во время антиколокольной кампании: «Тысячи людей в толпе со слезами на глазах наблюдали, как снимали колокола». Далее он продолжил: «Колокола были частью лю-

¹ HPSSS. Schedule A. Vol. 33. Case 134/(NY)1368. P. 70.

² HPSSS. Schedule A. Vol. 30. Case 87. P. 10.

³ HPSSS. Schedule A. Vol. 9. Case 111. P. 80.

⁴ HPSSS. Schedule B. Vol. 24. Case 275. P. 42.

⁵ HPSSS. Schedule A. Vol. 20. Case 407. P. 24.

⁶ HPSSS. Schedule A. Vol. 8. Case 103. P. 63.

дей. Когда они звучали, какое-то умиротворяющее чувство распространялось в душах людей»¹.

Наряду с колоколами под план заготовки металлолома в начале 1930-х гг. попали «бесхозные» могильные ограды и памятники. В некоторых случаях ликвидации подвергались целые кладбища. Например, в интервью эмигранта 1925/1926 г. р. говорилось о разрушении кладбища, на котором были похоронены его бабушка и дедушка². Схожие свидетельства приведены в книге Т. К. Чугунова: «Нет могил, нет крестов, нет кладбищ. Стираются с лица земли всякие знаки воспоминания о мертвых» [22, с. 295]. Обезличивание кладбищ имело те же черты борьбы с историко-культурной памятью для насаждения нового идеологического порядка, что и антиколокольная кампания. Это жестко противоречило духовным потребностям населения и логично вызывало негативную реакцию, в которой соединились тревога, страх, отчаяние и гнев [3, с. 244–245].

Сопrotивление советской антирелигиозной политике и апокалиптические настроения

Еще одной важной проблемой, зафиксированной в источниках второй волны русской эмиграции, является протест против антирелигиозной политики в 1929 – начале 1930-х гг. Представляется уместным вслед за историками, изучающими социальный протест в сталинский период, разделить виды сопротивления против антирелигиозной политики на пассивные и активные [5, с. 13]. Один из видов активного протеста – массовые выступления-«митинги», отражается в интервью 39-летнего механика, выходца из «кулацкой» семьи. Он рассказывал, что крестьяне выступали против закрытия храма, однако после того, как народное волнение осело, храм все равно был закрыт³. Подобные вспышки народного гнева при попытке закрытия церкви или снятия колоколов часто фиксировались органами ОГПУ в начале 1930-х гг. [16, с. 425, 548, 609].

Участие представителей духовенства в крестьянском протесте было широко распространено в годы коллективизации [17, с. 239]. Один такой бескомпромиссный и отчаянный пример сопротивления против снятия колоколов, выразив-

¹ HPSSS. Schedule A. Vol. 34. Case 149/(NY)1486. Pp. 43–44.

² HPSSS. Schedule A. Vol. 28. Case 541. P. 43.

³ HPSSS. Schedule A, Vol. 7. Case 92. P. 43.

шийся в самосожжении священника, упомянут в интервью писателя и филолога 1914/1915 г. р¹.

Более распространенными в годы коллективизации были пассивные способы протеста. Несмотря на многообразие их форм, начиная от громкого шума или тишины на собраниях и заканчивая «разбазариванием» имущества и бегством [5, с. 87–88], этот тип протеста сложнее отследить применительно к антирелигиозной политике в материалах интервью Гарвардского проекта. Это объясняется его более скрытым и косвенным характером, а также тем, что участники интервью чаще всего говорили об антиколхозном протесте в целом, а не о сопротивлении исключительно антирелигиозным действиям властей.

Среди различных форм пассивного протеста особенно интересны для религиоведческого изучения слухи, нередко имеющие религиозное содержание, часто апокалиптического характера. Например, вступление в колхоз воспринималось как приобщение к грядущему царству Антихриста [5, с. 126]. «Пойдешь в колхоз, там не будешь крестьянином, а будешь рабом тьмы», – писал бывший крестьянин в известную политическую газету второй эмиграции «Борьба» [14, с. 27]. Также в качестве примера апокалиптических настроений можно привести уже упоминавшееся свидетельство жительницы Симферополя, рассказывавшей, что в момент сноса собора, жителям города казалось, что они «стали свидетелями конца света, сам мир тонул»².

Апокалиптические слухи, встречавшиеся преимущественно в крестьянской среде, имеют глубокие исторические корни, являясь распространенной формой протеста сельского населения в периоды социальных потрясений. В ряде случаев в таких слухах речь шла о явлении святых или Богородицы, однако основной посыл этих явлений также находился в поле приближающегося Страшного Суда, запрета вступать в колхозы, клейма Антихриста и т. д. [18, с. 58–59]. Подобный пример можно найти в интервью лейтенанта РККА, бывшего подростком в годы коллективизации. Он рассказывал, что слышал рассказы о явлении Богородицы в колхозах³.

¹ HPSSS. Schedule A. Vol. 4. Case 31. P. 3.

² HPSSS. Schedule A. Vol. 33. Case 134/(NY)1368. P. 70.

³ HPSSS. Schedule A. Vol. 14. Case 240. P. 49.

Значение антирелигиозной политики периода коллективизации для участников Гарвардского проекта

Антирелигиозная политика рубежа 1920–1930-х гг. была четко зафиксирована эмигрантами второй волны как ключевой этап наступления Советского государства на религию. Начиная с этого периода, возможность вести религиозную жизнь значительно снизилась, а репрессии против религиозных организаций стали нарастать.

Участники Гарвардского проекта также свидетельствовали о том, что их церковная жизнь прервалась в годы коллективизации. «Как будто налетела сильная буря и сдула их всех», – говорил о церквях в период коллективизации бывший майор интендантской службы РККА 1900/1901 г. р.¹. Аналогичной является история колхозного работника 1922/1923 г. р., указывавшего, что до коллективизации он «ходил в церковь с отцом и матерью, а потом церкви запретили». Возобновление религиозной практики для них стало возможно только после длительного перерыва, в годы Великой Отечественной войны и в эмиграции, что, безусловно, оказалось непростым испытанием для их духовной жизни².

Есть и другой пример, когда вопросы, связанные с религией, впервые актуализировались для респондента в годы антирелигиозной политики. 42-летний электромеханик в интервью указывал, что он впервые задумался о роли религии в жизни человека в начале 1930-х гг., когда «начали разрушать храмы». «Гонимая церковь» вызывала у респондента сочувствие, а затем у него возникло желание углубиться в вопросы вероучения и самостоятельно разобраться в причине идеологического неприятия религии Советским государством. В дальнейшем, в эмиграции, он стал религиозным человеком³.

Кроме того, давление на церковь в некоторых случаях заставляло будущих эмигрантов менять свое отношение к советской системе. Инженер-электрик 1912/1913 г. р. говорил, что коллективизация стала первым фактором, под влиянием которого у него зародились сомнения в официальной идеологии. Среди прочих негативных действий властей, он указывал

¹ HPSSS. Schedule A. Vol. 28. Case 532. P. 37.

² HPSSS. Schedule A. Vol. 30. Case 640. Pp. 13–14.

³ HPSSS. Schedule A. Vol. 21. Case 416. Pp. 41–42.

на арест знакомого священника¹. Похожую ситуацию обнаруживаем в интервью 96, где уже сам респондент являлся православным священником. Он рассказывал, что впервые стал негативно относиться к советскому режиму именно в период коллективизации². Связь между советской антирелигиозной политикой и антикоммунистическими взглядами не является уникальной для этих свидетельств. Она также встречается в документах политических организаций русской эмиграции второй волны, где «гонения на религию» назывались недопустимыми и представлялись в качестве одного из аргументов для критики советской системы [20, с. 84].

Выводы

Гарвардский проект как источник русской эмиграции второй волны дает большие возможности для ее религиозоведческого изучения. Объемные интервью бывших советских граждан позволяют исследовать различные аспекты их взглядов на религию и государственно-церковные отношения, включая восприятие антирелигиозной политики, проводившейся в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Изучению и осмыслению антирелигиозной политики в СССР посвящено большое количество современных исследований, но одними из первых над этой проблемой стали размышлять именно эмигранты второй волны, очевидцы наступления Советского государства на религию. У них была уникальная возможность свободно отразиться на своем периоде жизни в СССР в 1920–1930-е гг., чего советские граждане, разумеется, долгое время были лишены.

В рассказах эмигрантов – участников Гарвардского проекта приводится обширная информация о формах антирелигиозной политики и реакции населения, дополняющая и совпадающая с уже введенными в научный оборот данными о религиозной политике в СССР в годы коллективизации.

Эмигранты второй волны оценивали советскую антирелигиозную политику крайне негативно, однако в определенных случаях можно проследить влияние, которое данные события оказали на их индивидуальные взгляды. Для некоторых дли-

¹ HPSSS, Schedule A, Vol. 26, Case 517, P. 61.

² HPSSS, Schedule A, Vol. 7, Case 96, P. 58.

тельный перерыв в возможности легального и безопасного исповедания своих религиозных взглядов стал тяжелым испытанием, но они сохранили свои убеждения в эмиграции. Другие воспринимали антирелигиозную политику в идеологическом ключе, как фактор критики советского режима.

Список литературы

1. Батченко В. С. Антипасхальная кампания 1930 года (на примере Западной области) // Макарьевские чтения: материалы междунар. науч. конф., Горно-Алтайск, 17–19 сентября 2018. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. – С. 34–39. EDN: YOXBAD
2. Батченко В. С. Власть и вера: антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области, 1929–1934 гг. – СПб.: Петроглиф, 2019. – 334 с. EDN: VGCETE
3. Батченко В. С. Сломить религиозность деревни, сломав колокола: антиколокольная составляющая в борьбе с религией на рубеже 1920–1930-х гг. (на примере Западной области) // Культурная память и культурная идентичность: материалы всерос. науч. конф., Екатеринбург, 25 марта 2016 г. – Екатеринбург: ФГАОУ ВО УрФУ, 2016. – С. 241–246. – EDN: XGLOJL
4. В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: сборник статей и документов / общ. ред. А. В. Попова. – М.: РГГУ, 1997. – 376 с. EDN: PTXIVN
5. Виола Л. В. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. – М.: РОССПЭН, 2010. – 367 с.
6. Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / общ. ред. О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 493 с.
7. Джейранов С. Н. Власть и церковь в период коллективизации (на материалах Московской области) // Известия Саратовского университета. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 29–33. EDN: TFBMZP
8. Дипийцы: материалы и исследования / отв. ред. П. А. Трибунский. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2021. – 540 с. EDN: SYFFIT
9. Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. – М.: Институт российской истории РАН, 2016. – 424 с. EDN: WIYBGN
10. Климович Л. В. Попытка объединения российской эмиграции в 1950-е годы (по материалам совещаний эмигрантских организаций в Фюссене, Штутгарте, Висбадене) // Научный диалог. – 2015. – № 12. – С. 268–279. EDN: VDVLUK
11. Козин Е. В. Гарвардский проект. – М.: РОССПЭН, 2003. – 207 с. EDN: PCOTHR
12. Козлов Ф. Н. «Снять колокола!..»: заготовка колокольного «цветмета» в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. (на примере Чувашской АССР) // Экономическая история. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 259–267. EDN: LBBOFB
13. Константинов Д. В. Гонимая церковь. – Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1967. – 383 с.
14. Обезчик К. Единоличник // Борьба. – 1950. – № 1–2. – С. 26–27.
15. Рар Г. А. Плененная церковь: очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. – 113 с.
16. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 3: 1930–1934. кн. 1, 1930–1931 / отв. ред. А. Берелович. – М.: РОССПЭН, 2003. – 860 с.
17. Строганов А. В. Роль духовенства в крестьянском протесте в период коллективизации // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 3. – С. 235–240. EDN: IFLUQU
18. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М.: РОССПЭН, 2001. – 422 с.
19. Хомков Д. С. Гарвардский проект по советской социальной системе как религиозоведческий источник // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. – Т. 37. – С. 93–99. EDN: CVODDJ

20. Хомков Д. С. Контексты упоминания религии в материалах политических организаций русской эмиграции второй волны в конце 1950-х – начале 1960-х годов // XXVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2023 г. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. – С. 82–87. EDN: RYLABK

21. Хомков Д. С. Образ католицизма и Католической церкви у русских эмигрантов второй волны (по материалам интервью Гарвардского проекта) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2021. – Т. 10. – № 2А. – С. 217–223. EDN: BUNWYD

22. Чугунов Т. К. Деревня на Голгофе: летопись коммунистической эпохи: от 1917 до 1967 г. – Мюнхен: Изд. авт, 1968. – 509 с.

References

1. Batchenko, V. S. (2018) Antipaskhal'naya kampaniya 1930 goda (na primere Zapadnoj oblasti) [Anti-Easter Campaign in 1930 (Case Study of the Zapadnaya Oblast)]. *Makar'evskie chteniy – Makaryev Readings*. Pp. 34–39. (In Russian).

2. Batchenko, V. S. (2019) *Vlast' i vera: antireligioznaya politika i ee vospriyatie naseleniem Zapadnoj oblasti, 1929–1934 gg.* [Power and Faith: Antireligious Policy and Its Perception by the Population of the Western Region, 1929–1934]. Saint Petersburg: Petroglyph. (In Russian).

3. Batchenko, V. S. (2016) Slomit' religioznost' derevni, slomav kolokola: antikolokol'naya sostavlyayushchaya v bor'be s religiej na rubezhe 1920–1930-h gg. (na primere Zapadnoj oblasti) [Break the religious of village by broken bells: anti-bell component in the fight against religion at the turn of 1920–1930 (on the example of the Zapadnaya oblast')]. *XI Kolosnitsynskie chteniya – XI Kolosnitsyn Readings*. Pp. 241–246. (In Russian).

4. *V poiskah istiny. Puti i sud'by vtoroj emigracii* (1997) [In Search of Truth. Paths and Destinies of the Second Emigration]. Moscow: RSUH. (In Russian).

5. Viola, L. (2010). *Krest'yanskij bunt v epohu Stalina: Kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant rebels under Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

6. *Garvardskij proekt: rasssekrechennyye svidetel'stva o Velikoj Otechestvennoj* (2018) [Harvard Project: Declassified Evidence of the Great Patriotic War]. Moscow: Political Encyclopedia. (In Russian).

7. Jayrunov, S. N. (2021) *Vlast' i cerkov' v period kollektivizatsii* (na materialah Moskovskoj oblasti) [Power and the Church during the period of collectivization in the Moscow region]. *Izvestiya Saratovskogo universitet – Izvestiya of Saratov University*. Vol. 21. No. 1. Pp. 29–33. (In Russian).

8. *Dipijcy: materialy i issledovaniya* (2021) [DPs: Materials and Research]. Moscow: Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad. (In Russian).

9. Zemskov, V. N. (2016) *Vozvrashchenie sovetskikh peremeshchennykh lic v SSSR. 1944–1952 gg.* [Return of Soviet displaced persons to the USSR. 1944–1952]. Moscow: IRH RAS. (In Russian).

10. Klimovich, L. V. (2015) Popytka ob"edineniya rossijskoj emigracii v 1950-e gody (po materialam soveshchaniy emigrantskikh organizatsij v Fyussene, SHtutgarte, Visbadene) [Attempt to Unite the Russian Emigration in 1950-ies (on Material of Emigrant Organization Meetings in Fussen, Stuttgart, Wiesbaden)]. *Nauchnyi dialog – Scientific Dialogue*. No. 12. Pp. 268–279. (In Russian).

11. Kodin, E. V. (2003) *Garvardskij proekt* [Harvard Project]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

12. Kozlov, F. N. (2024) «Snyat' kolokola!..»: zagotovka kolokol'nogo «cvetmeta» v SSSR v konce 1920-h – 1930-e gg. (na primere CHuvashskoj ASSR) [“Remove the Bells!..”: The History of Bell Seizure in the USSR in the Late 1920s–1930s: A Case Study of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic]. *Economicheskaya istoriya – Russian Journal of Economic History*. Vol. 20. No. 3. Pp. 259–267. (In Russian).

13. Konstantinov, D. V. (1967) *Gonimaya cerkov'* [The Persecuted Church]. New York: All-Slavic Publishing House. (In Russian).

14. Obezchik, K. (1950) Edinolichnik [Sole proprietor]. *Bor'ba – Fight*. No 1–2. Pp. 26–27. (In Russian).

15. Rar, G. A. (1954) *Plenennaya cerkov': ocherk razvitiya vzaimootnoshenij mezhdu cerkov'yu i vlast'yu v SSSR* [The Captive Church: An Essay on the Development of Relations between the Church and the Authorities in the USSR]. Frankfurt am Main: Posev. (In Russian).
16. *Sovetskaya derevnya glazami VCHK – OGPU – NKVD. T. 3: 1930–1934. kn. 1* (2003) [The Soviet Village through the Eyes of the Cheka – OGPU – NKVD. Vol. 3: 1930–1934. Book 1]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
17. Stroganov, A. V. (2021) Rol' duhovenstva v krest'yanskom proteste v period kollektivizatsii [The Role of the Clergy in Peasant Protest during the Collectivization Period]. *Vlast' – Power*. Vol. 29. No. 3. Pp. 235–240. (In Russian).
18. Fitzpatrick, S. (2001) *Stalinskie krest'yane. Social'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
19. Khomkov, D. S. (2021) Garvardskij proekt po sovetskoj social'noj sisteme kak religiovedcheskij istochnik [The Harvard Project on the Soviet Social System as a Source of Religious Studies]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bulletin of Irkutsk State University*. Vol. 37. Pp. 93–99. (In Russian).
20. Khomkov, D. S. (2023) Konteksty upominaniya religii v materialah politicheskikh organizacij russkoj emigratsii vtoroj volny v konce 1950-h – nachale 1960-h godov [Contexts of mentioning religion in the materials of political organizations of the Russian emigration of the second wave in the late 1950s – early 1960s]. *XXVII Carskosel'skie chteniya – XXVII Tsarskoye Selo Readings*. Pp. 82–87. (In Russian).
21. Khomkov, D. S. (2021) *Obraz katolicheskstva i Katolicheskoy cerkvi u russkikh emigrantov vtoroj volny (po materialam interv'yu Garvardskogo proekta)* [The image of Catholicism and the Catholic Church among the Russian emigrants of the second wave (based on interview materials of the Harvard Project)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke – Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. Vol. 10. No 2A. Pp. 217–223. (In Russian).
22. Chugunov, T. K. (1968) *Derevnya na Golgoфе: letopis' kommunisticheskoy epohi: ot 1917 do 1967 g.* [The Village on Golgotha: A Chronicle of the Communist Era: 1917 to 1967]. Munich: Author's Publishing. (In Russian).

Информация об авторе

Хомков Дмитрий Станиславович – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-5279-3076, e-mail: KhomkovDS@yandex.ru

Information about the author

Dmitrii S. Khomkov – postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0002-5279-3076, e-mail: KhomkovDS@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.05.2025
Принята к публикации: 29.06.2025
Опубликована: 25.09.2025

Received: 20 May 2025
Accepted: 29 June 2025
Published: 25 September 2025